

Список бібліографічних посилань:

1. Шепитько В. Ю. Проблемы формирования тактики преодоления противодействия расследованию / В. Ю. Шепитько // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы: сб. науч. тр. – М., 2007. – С. 446-447.

2. Щур Б. В. Протидія розслідуванню в механізмі організованої злочинної діяльності // Вісник Львів. ін-ту внутрішніх справ: Збірник / Гол. ред. В. Л. Ортинський. – Львів: Львів. ін-т внутр. справ при НАВС України. – Вип. 1. – 2004. – С. 129-133.

3. Шехавцов Р. М. Форми та способи протидії розслідуванню злочинів і засоби їх подолання (за матеріалами кримінальних справ про вимагання), вчинені організованими групами, злочинними організаціями): автореф. дис. канд. юрид. наук: 12. 00. 09 / Нац. акад. внутр. справ України. – К., 2003. – С. 8.

4. Кримінальний процесуальний кодекс України від 13 квітня 2012 року № 4651-VI [Електронний ресурс] // Офіційний веб-портал Верховної Ради України. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/4651-17> (дата звернення: 06.04.2018).

УДК 343.132

Александр Иванович ГАБА,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Предъявление для опознания – это следственное действие, которое как никакое другое вызывает дискуссии по поводу должной правовой регламентации и по поводу оптимальной тактики его проведения на практике. В этом плане представляет интерес сравнительный анализ ряда положений уголовно-процессуальных кодексов (далее УПК) Республики Беларусь и Украины, сильных и слабых сторон его правовой регламентации.

В УПК Украины не упоминается цели данного следственного действия. УПК Республики Беларусь называет ее – установление тождества или различия с ранее наблюдавшимся лицом или объектом. Определение в качестве цели именно идентификацию объекта имеет принципиальное значение, поскольку многими криминалистами в

качестве цели этого следственного действия определяется не только идентификация, но и установление общей групповой принадлежности предъявляемого объекта.

На наш взгляд, утверждая, что целью предъявления для опознания является его идентификация либо установление групповой принадлежности, смешиваются понятия, с одной стороны, поставленной цели, и, с другой стороны, результата, который может быть получен в процессе движения к этой цели, но при невозможности ее достижения. Установление факта принадлежности идентифицируемого объекта к определенной группе (виду, роду) объектов, обладающих общими признаками (установление общей его групповой принадлежности) является задачей идентификационного порядка, которая решается для достижения цели идентификации. И, если цель (идентификация) не достигнута, приходится довольствоваться решением названной задачи, если в идентифицирующем объекте не отобразились в достаточной степени частные, индивидуализирующие признаки идентифицируемого объекта. Но цель от этого не меняется. Если же изначально в качестве именно самостоятельной цели определяется установление факта принадлежности того или иного объекта к определенной общей классификационной категории (а идентификация в качестве цели при этом не ставится), то это уже будет цель диагностического порядка, а не идентификационного. При этом могут вообще отсутствовать как идентифицирующий, так и идентифицируемый объекты, а будет существовать только диагностируемый объект, который требуется отнести к той или иной общей классификационной категории (роду, виду). Подобная изначальная цель при предъявлении для опознания ставиться не может.

Неверная трактовка цели следственного действия ведет к определению для реализации ошибочных тактико-криминалистических приемов его подготовки и проведения, необъективной оценке полученных результатов. Это может привести к смешению сущности предъявления для опознания с сущностью некоторых иных следственных действий, например, допроса лица, воспринимавшего определенные объекты, сопровождающегося предъявлением вещественных доказательств, либо проверки показаний на месте. При этом может иметь место ситуация, когда при отрицательном результате предъявления для опознания следователь, не достигнув цели этого следственного действия, использует полученную от опознающего информацию для корректировки своего представления об общей групповой принадлежности опознаваемого объекта.

Украинский законодатель более детально в сравнении с белорусским регламентировал ряд положений данного следственного действия, перенеся в УПК в качестве нормы содержание некоторых ранее выработанных практикой тактических приемов предъявления для

опознания, что, несомненно, является положительным моментом. Это, в частности, возможность в целях обеспечения безопасности опознающего проводить данное следственное действие в условиях, исключающих не только визуальный контакт (как это определяет УПК Республики Беларусь), но и возможность опознаваемого слышать голос и речь опознающего. Это и возможность предъявления для опознания не только по фотоснимкам, но и по видеоизображениям.

УПК Республики Беларусь предусматривает возможность предъявления для опознания лишь посредством зрительного анализатора, хотя на практике предъявление для опознания по голосу и речи проводится уже много десятилетий. УПК Украины предусматривает возможность опознания по голосу и делает важное дополнение о том, что при этом не допускается визуальный контакт между опознающим и опознаваемым.

УПК Украины в отличие от УПК Республики Беларусь содержит важное и логичное положение о том, что, предъявление для опознания по фотоснимкам и материалам видеозаписи исключает в дальнейшем предъявление лица для опознания «вживую». Вместе с тем, на наш взгляд, здесь требуется определенное уточнение: предъявление для опознания лица «вживую» после вынужденного предшествовавшего предъявления его для опознания по фотоснимкам и материалам видеозаписи допускается, если ненадлежащее качество фотоснимков, материалов видеозаписи могло послужить причиной ошибки выводов опознающего. Здесь следователь должен сам решить, насколько полно фотоизображение или видеоизображение отражало существенные признаки внешнего облика опознаваемого, и будет ли оно в дальнейшем элементом подсказки опознающему при предъявлении опознаваемого лица.

Как упущение и белорусского и украинского законодателей следует отметить тот факт, что в них ничего не говорится о том, кто должен определять расположение фотоснимков либо очередность предъявления видеофонограмм опознающему. Безусловно, это должен делать не следователь, а понятые.

В целом же по названным выше и иным вопросам, которые невозможно проанализировать в рамках тезисов доклада, опыт законодателя Украины имеет несомненную ценность для белорусского законодателя.